

Рубрика “Книжный развал” в 8 номере журнала посвящена рецензиям на книги молодых писателей. Но нам показалось важным и символичным открыть рубрику рецензией на книгу Александра Ивановича Казинцева, в которой собраны стихи, написанные им в 19-летнем возрасте. Это ведь тоже рецензия на молодого писателя! В этом дань памяти человеку, который в буквальном смысле вырастил поколение современных 20–30-летних авторов “Нашего современника”. И свидетельство того, что поэзия побеждает время.

От редакции

МАРИЯ ЗНОБИЦЕВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ К НАЧАЛУ

Александр Казинцев. Начало: Стихотворения. — М.: Вест-Консалтинг, 2021.

Стихи, собранные в книге, все одного времени – Александру Казинцеву было 19 лет. Тем поразительнее их читать: кроме лёгкости и свежести молодости, в них сила настоящего большого поэта. Про иные и не поверишь, что они написаны юношей. Впрочем, как он сам говорит в предисловии, это стихи человека, входящего в жизнь. В пору, когда мир открывается перед человеком всеми красками, с сотней цветовых тонов, запахами травы, деревьев, земли и неба. И человек открывается миру, принимает его – обострённым зрением, живой душой и распахнутым сердцем...

Нина Казинцева

Послесловие, написанное Ниной Алексеевной Казинцевой к небольшой книге стихотворений Александра Ивановича, выражает, пожалуй, главную особенность подлинной поэзии – умение воспринимать мир всей сущностью, всеми средствами, доступными человеческому естеству. Эти три простые тайны лирического чувства: “обострённое зрение”, “живая душа” и “распахнутое сердце” – были в высшей степени свойственны мироощущению Александра Казинцева. А в книге юношеских стихотворений как будто вышли на поверхность, перестали прятаться, словно легли на ладонь драгоценные морские раковины, полные музыки, мудрости и света.

Цитируя в предисловии поэму Катенина, автор приотворяет окно в свой поэтический мир: он понимает, что из многих званых мало будет избранных, но всё же надеется на духовную встречу. Ему хочется встретить читателя, который был бы “душой дитя с начитанным умом”. “В настоящее время таких читателей нет, – отмечает Казинцев. – Но теперь, когда человеку доступнее сосредоточить свои силы на внутренней жизни, нежели на деятельности внешней, такой читатель может появиться...”

Собственно, этим приглашением сказано главное. Войти в пространство книги можно только с чистым сердцем. Иначе не понять всей прелести её музыкальных полутонов, не порадоваться игре света и тени, ажурной графике дождевых струй и сосновой хвои, не замереть на предпоследней строке, там, где ритм западает ровно настолько, чтобы у читателя перехватило дыхание – вслед за поэтом, всякий раз замирающим перед красотой вселенной.

“Душой дитя с начитанным умом”, — это и цитата-автопортрет. Юность, дышащая в каждой строке книги, юность как её лейтмотив — свойство души живой, реагирующей, болящей. Эта внутренняя юность чувствовалась в Александре Ивановиче всегда. Именно поэтому он умел говорить с молодыми, понимать их, вдохновлять. Ему хватало мудрости не обрушивать на слушателей всю тяжесть и все дары своего опыта, он оставлял собеседнику пространство, полное воздуха и света, чтобы можно было дорасти, дотянуться друг до друга сердцем. Стихи, написанные в 19 лет, — подарок нынешним 18–20-летним. Оказывается, можно и так: не через отрицание и разлад, а через приятие, любовь, восхищение, благодарность. Многие ли молодые могут так чувствовать и писать сегодня?

Александр Иванович любил прогулки. Приглашение на прогулку для нас, его учеников, было поводом для радости и гордости. Прогулка обещала Разговор, и мало с кем можно было поговорить так. Тебя как будто видели на ладони, но видели не свысока, а всегда на равных — минуя возрастные барьеры. Сколько всего было доверено, услышано, увидено на этих прогулках, сколько не высказано, но прочувствовано!.. Ощущение прогулки, беседы — размеренной, неторопливой, а иногда взволнованной, живой — характерно для большинства стихотворений книги.

Держа в руках сборник, можно выходить из дома и отправляться в весну, туда, где “полёты наклонных капель // расплющились о стекло...” и “ветер поддерживает на весу// выроненный билет”. Уже здесь, в первом стихотворении “Вариаций”, чувствуется звонкая, ломкими льдинками дробящаяся радость творения нового мира. В ней слышна аллюзия на “Ландыши” Пастернака с его “стекольным ящиком”, опущенным “наземь с потного плеча”:

*...И кажется, будто ящик
стекольный на землю упал,
и земля теперь вся в слепящих
блестящих осколках зеркал...*

Метафора обретает мифологическую глубину: словно яйцо, разбившееся, чтобы родить небо и твердь, обновлённая земля рождается заново в блеске и пламени. Распевная, расширяющая пространство звукопись озаряет пейзаж торжественным ветхозаветным светом. Ощущение перемен передаётся не описательно, через называние предметов, а контурно, касательно — через действие, движение, перелив, переход:

*Слепящая белоснежность
двух крупноблочных домов,
вплывающая в безбрежность,
входящая в сонм облаков...*

Город с его “крупноблочностью” становится частью иного, облачного мира, вписывается в вечность. Здесь нет прямолинейного противопоставления живого и мёртвого, каменного и травяного, земного и небесного — всё освещено любовью и приятием, всё слиянно, нераздельно. Прямое подтверждение этому находим в стихотворении “Благодарность”:

*...И бескрайно уже славословье,
но всё ширится, ширится хор,
завершая, скрепляя любовью
всё разрозненное до сих пор...*

Очевидна глубинная связь этого мироощущения с пушкинским “Пророком”, когда поэт, одарённый новым слухом, голосом и зреньем, видит и слышит “и горний ангелов полёт, // и гад морских подводный ход, // и дольней лозы прозябанье...”.

Этим любовным зрением охвачено все приметы ежедневного житья, составляющие самый воздух жизни: трепет просыпающихся деревьев, терпкость первого дождя, тяжесть шмеля, прорезающего полётом знойное марево, запах яблок, который обещает скорую осень, звон замёрзшей земли, ртутный блеск фонарей...

Библейская картина сотворения мира, как небо в капле росы, разворачивается в каждом сердце, просыпающемся ради песни. Так происходит и в книге “Начало”. Вслед за стихотворением “Весна” появляются “Дождь”, “Облака”, “Аллеи под дождём”, “Лес”, проступают силуэты птиц и зверей, а вслед за ними тихой походкой не господина, но любящего сына идёт Человек.

Что можно сказать о нём, всё-таки главном герое книги? Только то, что он рассказывает сам. Ему бывает больно, когда “за всем стоит печаль сквозная”, он не стесняется слёз (“...И вот я плачу... Боже мой. // Как можно быть чужим настолько. // Какой же горечи настоем // разведены мы...”), он славословит вселенную: “...мир громадный и полный значенья // обращён в благодарственный глас”.

Три раздела книги – “Вариации на простые темы”, “Собеседник”, “Бессмертие” – тремя аккордами взросления души возносят читателя от этюдов и зарисовок, подмеченных разбуженным зрением, к осознанию причастности этому миру, ответственности за всё, что в нём происходит. Сначала это только разбег, разлёт, торопливый и яркий штрих-пунктир струй-ветвей-порывов ветра, касающихся разгорячённого лица и сладко царапающих сердце. Потом – диалог, доверительный, любовный, полный нежности и заботы о друге, женщине, Собеседнике. И наконец – это осознание собственного права на песню, прикосновение к вечности, преодоление смерти.

Передвижение через пространство жизни всегда воздушно. Его земные приметы: шаги по аллее, движение в лифте, трамвае, электричке – лишь внешне привязаны к земле. Преобладают не ширь и даль, а вертикаль: прорастание корней и протяжённость ветвей. Пристальный и одновременно скольльзящий взгляд поэта перемещается с предмета на предмет, чтобы в конце концов увидеть панораму, обзор всегда завершается открытым пространством неба.

Самой одухотворённой и часто упоминаемой из четырёх земных стихий становится воздух. Это слово присутствует почти в каждом стихотворении. Глоток воздуха – это повод рассказать о вкусе, цвете и смысле этого глотка. Воздух умён и целен, как насыщенный густок жизни: “Мне воздух горло жжёт струёй воды студёной...”, “И воздух вставлен в двух ветвей излом”, “А воздух кронами усажен // и облаками на плаву...”. Воздух именуется зелёным, звонким, горьким, скорбным, просторным, “длинным, как аэродром”, в нём есть место всем и всему – от человеческого вздоха до рождественской звезды.

Отдельная тема воздушного цикла – запахи. В стихотворениях Александра Казинцева они всегда узнаваемы, конкретны: “Веет душевой ночью от листвы // и сухим, и ещё тёплым дымом...”, “Вечер пахнет скошенной травой, // тёмными, большими облаками, // каплями дождя по мостовой...”. Запахи женских духов, яблочного варенья, дождя озвучивают мотив памяти – не только на уровне отдельных житейских воспоминаний, но как большую лирическую тему, близкую всему человечеству.

Стихию воздуха, как сквозящая иголка, то сшивает, то распарывает ветер. Это авторское умение – писать пейзаж штрихами, соприкосновениями образов, их наложением друг на друга – делает пространство динамичным, наполняет его живым первородным током. В стихах появляются разные ипостаси ветра, чаще других – бунтующая, разгульная: “...ветр, настоянный сосною смолой, // как лето знойное – раздолбный...”, “И ветер мстит за землю, за мечту...”

Что касается стихии земли, то в юношеской лирике А. Казинцева прослеживается стремление оттолкнуться от неё, обозначить принадлежность героя другим сферам:

*...И, как звезде, моей груди тесна
основа тяготения земного...*

Досада на то, что земля не может полететь или пуститься в пляс, виртуозно передана в стихотворении “О чём поёт несвязный хор стекла...”:

*О чём поёт несвязный хор стекла?
Я горкой выношу его из дома,
а кажется, что, если бы могла,
земля была бы так же невесома.*

*Она бы выбегала за порог
спелёнутого тяготеньем тела
и в чудных измерениях — четырёх, —
как занавеска дачная, летела.*

*И задыхаясь быстрой высотой,
лучащеюся радужною спазмой,
плыла бы над собою, над землёй,
прозрачной, невесомой и алмазной...*

Этот ранний романтический пыл расставания с землёй сменится в зрелой лирике Александра Казинцева приятием и благословением земного: “удивительного” запаха земли, её способности возрождаться и высвободиться, давать жизнь. Но как любопытно различать черты молодого бунтарства в первых строчках большого поэта, его гениальных признаниях и проговорах!

Переходя от земли к воде, нельзя не почувствовать, что мотивы, связанные с водной стихией, традиционно несущей идею очищения, у Казинцева многофункциональны. Вода удваивает объём пространства, преображая давно знакомые предметы, как в стихотворении “Двор”:

*И вот я выхожу в вечерний тёплый
зелёный мир двора и луж зелёных,
где только что последние из капель
расплющились, упавши тяжело.
Где столько откровений и чудес
расплывчатых, забывших выраженье,
им данное. Зелёные обманы —
и в каждом город книзу головой...*

Вода проливается на землю дождём, соединяя очевидное и незримое: “Ощущением новизны // дождь шуршит по стёклам оконным...” Водная гладь — тёмное зеркало вечности. Необходимо мужество, чтобы смотреть в него, не боясь глубины:

*Вода стоит. И облака
по грудь уходят в воду. Веток ивы
касаются. Река нетороплива,
и вечность зелена и глубока.*

Облака рождают зрительный ряд, плавно переходящий к небу. Их лепка скульптурна, как на полотнах художников голландской школы, и вместе с тем лёгкость музыкальной отделки текста доходит до невесомости:

*...потому что облака —
это форма превращенья
ветерка и ледника
в белоснежное свеченье...*

Облака обкладывают горизонт, словно декорации грандиозного действия. Они особенно величественны в стихах, разворачивающих панорамы Москвы:

*...И деревья кидаются вниз,
и, обламываясь под громадой,
уплывает к Арбату карниз
гнутых веток висячего сада.*

*Ну, а там облака залегли
многоглавыми ледниками,
и бульвары, припав до земли,
пьют настой синевы с облаками...*

Наконец, четвёртая стихия — огонь — входит в лирическое пространство образами света, солнца и звёзд, фар. В завершающих книгу стихотворениях “Гимн бессмертию” и “Фуга” появляются световые окошки свечного и фонарного пламени. Эти знаки присутствия человека на земле становятся маленьким намёком на бессмертие, отблеском иного, запредельного мира.

Игра тени и света создаёт необходимую художественную глубину. Зимнее небо описано через контраст алого и синего: “А синева мерцает головнёй // едва заметным красноватым жаром...”. Неистовый свет бессонных весенних ночей передан молодо и хлёстко: “... как спирт горящий, белый март, орущий из стихов...” Летние огни, выписанные в жёлто-зелёной гамме, срastaются с ощущением сумеречной глубины, тайной и в чём-то приятной печали:

*...Дом растёт из зелени огнями,
крышами, углами; желтизной
плотных стен врасдая, как корнями,
в ветки, озарённые листвою.*

*Потому что вечер, и значенье
придаёт решительно всему
где-то затаённое свечение,
странно осветляющее тьму...*

Контрасты огня и темноты интересны поэту в их нераздельности: “Ты помнишь: ночь, костёр, потрескивают ветки, // театр целый пляшущих теней...” Огонь согревает всё вокруг себя, придаёт предметам новое значение, высветляет грани жизни, стремящиеся к противоборству.

Несмотря на обилие воздуха, богатство полутонов и порой акварельных переходов, в поэзии Александра Казинцева есть место образам, поражающим реалистичностью и конкретностью. Вот, например, трава в осеннем лесу:

*...Нет, в лесу — ни листка, ни души,
лишь травинки торчат заострённые,
как цветные карандаши,
тонко ножиком очинённые...*

А это — стиснутый стужей городской каток в огнях. Цветовые переходы от синевы к серебру и лазури, подсвеченной золотом фонарей, завораживают:

*...Окован горизонт дымами по краям —
прозрачно серебро за синевую яркой,
за полукруг тугой к деревьям и путям
на голубой огонь ночной электросварки.*

*На голубой огонь. На голубой цветок.
Звенящая земля обмётана крупую
колючей, белою. Гремит каток,
и музыку во льду он держит над собою.*

Кинематографичность отдельных находок отсылает к картинам Андрея Тарковского, его “Зеркалу”. Так же детальна и осязаема подрагивающая от дыхания зрителя ткань бытия:

*...И зеркальца прохладные воды
На листьях яблонь снизу танцевали,
Где у колодца два ведра стояли
В песке меж кустиками лебеды.*

*Штакетник сеял жаркий, узкий свет.
И было лето. И плела про это
любая мелочь, прославляя лето.
Кричала мама, что остыл обед.*

Книга составлена с безупречной логикой, отображающей путь человека от рождения к бессмертию. Читаешь завершающие стихотворения последнего раздела – и тебя бьёт дрожь. Предощущение. Знание. Приятие: так будет:

*...Ты жил. Ты умер. Но одно
мгновение сохранено.
Теперь ты — светлое окно,
включён приёмник, входят люди,
вдруг близкий женский силуэт.
Тебя давно на свете нет,
и всё же ты светиться будешь.*

И дальше, дальше, как “весь я не умру” из “Памятника”, переписанного на новый лад:

*Единокровной вязью строчек
я к жизни крепко приторочен,
я твёрдо знаю: здесь я свой.
С китайской пышною Москвой,
с её движеньем муравьиным
я связан воздухом единым,
как крепкой, жёсткой бечевой.*

Выход книги, соединившей конец земного пути поэта с началом иного бытия, символичен. В ней нет и мысли о конечности вселенной, есть лишь предчувствие Дома, “идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная...”:

*...И, может быть, вся прелесть в том,
чтоб, окунаясь в полутьму,
знать, что тебя заждался дом
и рад приходу твоему.*